



Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, впоследствии извѣстный московскій почтъ-директоръ, въ 1811—1814 годахъ состоялъ при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ въ качествѣ домашняго секретаря, которому было поручено вести секретную переписку. Однимъ изъ корреспондентовъ Булгакова, сообщавшимъ петербургскія новости, былъ чиновникъ петербургскаго почтамта—Иванъ Петровичъ Оденталь, „газетеръ“, какъ онъ себя называлъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь писемъ мало что извѣстно объ Оденталѣ. Родился онъ 16 февраля 1776 года. Служилъ въ петербургскомъ почтамтѣ еще при Ростопчинѣ и Трощинскомъ, о которыхъ вспоминаетъ съ благодарностью. „Мы, чиновники, до сихъ поръ не можемъ забыть ихъ. Это благодѣтели рода человѣческаго“, пишетъ онъ отъ 13-го февраля 1812 г. Булгакову. Отношенія его къ министру Козодавлеву не таковы, и тотъ, въ свою очередь, его не долюблявалъ. Оденталь былъ женатъ и у него были малолѣтнія дѣти. Жалованье получалъ небольшое—750 р., и часто нуждался въ деньгахъ. Здоровье было плохое. Въ началѣ 1814 года какое-то несчастіе стряслось надъ Оденталемъ, и послѣднія письма его полны отчаянія. Съ 1815 года онъ уже не значится въ спискѣ чиновниковъ петербургскаго почтамта,

Въ то время, когда велась переписка, Оденталь былъ цензоромъ иностранныхъ газетъ при почтамтѣ и могъ потому сообщать политическія извѣстія Булгакову изъ самаго источника, кромѣ того

имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, и петербургскія новости и слухи доходили до него исправно. До 1812 года переписка Оденталя съ Булгаковымъ не регулярна, но съ начала 1812 года онъ пишетъ Булгакову почти каждый почтовый день. Извѣщаетъ рѣшительно обо всемъ и съ полной откровенностью; въ одномъ письмѣ къ Булгакову онъ говоритъ, что такъ откровенно онъ пишетъ только ему да Трощинскому. Первые письма Оденталя довольно многословны и малосодержательны, но съ іюня мѣсяца, когда открылись военныя дѣйствія, письма пріобрѣтаютъ большой интересъ и содержатъ много свѣдѣній, заимствуемыхъ Оденталемъ изъ иностранныхъ газетъ, изъ частныхъ писемъ и со словъ курьеровъ изъ арміи. Почти изо дня въ день можно слѣдить по нимъ за перипетіями Отечественной войны и за настроеніемъ петербургскаго общества.

С. Долговъ.

1.

С.-Петербургъ. Марта 3-го 1811.

Простите, безцѣнный мой Александръ Яковлевичъ, что давно къ Вамъ не пишу. Истинно, одни токмо занятія и домашнія мои хлопоты тому причиною. Ежели Вамъ еще неизвѣстно, то сообщаю Вамъ, что герцогъ Висенскій оставляетъ навсегда Петербургъ и возвращается съ важными увертюрами къ могущему государю своему чрезъ Швецію. На его мѣсто присланъ сюда будетъ графъ Лористонъ ¹⁾?

Въ городѣ, какъ можете себѣ представить, идутъ по случаю его отъѣзда неисчислимыя толки.

Мы между страхомъ и надеждою ожидаемъ курьера изъ Молдавской арміи отъ врачей графа Каменскаго втораго ²⁾, который одержимъ жестокою нервною горячкою съ пятнами. Избави, Боже, отъ таковой потери Отечество наше!

Пріѣхавшій изъ Парижа Бутягинъ сказывалъ, что кн. Куракинъ ³⁾ опять опасно боленъ.

Изъ Финляндіи большая часть войскъ тянется къ границамъ Прускимъ и Польскимъ.

Эртеля за расторопность въ продовольствіи Молдавской арміи провіантомъ пожаловали въ генераль-лейтенанты.

¹⁾ Лористонъ, графъ Александръ-Жакъ-Бернардъ-Тау. Въ 1811 и 1812 г.г. французскій посолъ въ Петербургъ.

²⁾ Каменскій--второй, графъ Сергій Михайловичъ, генераль-отъ инфантеріи. Род. 3 іюня 1772 † 8 декабря 1834.

³⁾ Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ, русскій посолъ въ Парижъ.

Гр. Кочубей въ маѣ ѣдетъ на цѣлое лѣто въ малороссійскія свои деревни.

Заговорили было объ отправленіи курьеровъ къ гр. Маркову и Трощинскому, но я отъ достовѣрныхъ людей не слышу о семъ подтвержденіи.

Наши флоты въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ вѣрно поспѣшно приготовить и усилить къ выходу изъ портовъ при открытіи навигаціи.

Вотъ все, что узналъ, и что недосуги мои дозволили Вамъ кое-какъ кинуть на сей клочекъ бумаги.

Графъ Сологубъ, отецъ, умеръ въ Дрезденѣ. Пусть и это причислится къ сообщаемымъ мною новостямъ.

Вообразите, что по сей часъ нѣтъ еще иностранной почты, которая долженствовала еще придти во вторникъ рано по утру. Обстоятельство сіе заставляеть неошибочное дѣлать заключеніе, что въ болѣе южныхъ странахъ прошли уже рѣки.

2.

С.-Петербургъ. Марта 17-го 1811.

Милостивый Государь мой

Александръ Яковлевичъ!

Вазлюбленный нашъ Государь за 160 верстъ отъ Васъ въ сію минуту. Не притянете ли Вы Его Вашими желаніями въ престольный градъ? При отъѣздѣ Его отсюда не хотѣлъ онъ однако же далѣе Твери простереть своего пути. И въ Сѣв. Поч. начитаете, что онъ изволилъ отъѣхать на короткое время.

Друзья Ваши гр. Воронцовъ и де Бальменъ получили новаго главнаго начальника. О прежнемъ говорятъ, что онъ употребленъ будетъ по совершенномъ обнеможеніи въ другой сторонѣ. Полагаютъ, что дѣла счастливца нашихъ временъ пришли въ запутанность. Хотятъ симъ воспользоваться. Дай Богъ! чтобы сей разъ навесли ему метчѣе удары, и такъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ могли избавиться отъ его вліянія. Иначе худая перспектива.—Ноты, помѣщенные въ Мониторѣ, на рѣчь, говоренную въ парламентѣ отъ имени регента, дѣйствительно принадлежатъ въ произведеніямъ М. Серванта.—Въ скандинавской столицѣ Беарнскому уроженцу жить небезопасно.—Отъѣзжающій ради суровости здѣшняго климата дождется прибытія своего послѣдователя. Надобно вѣдь будетъ ознакомить его съ орудіями, чрезъ кои можно продолжать начатыя козни.

Засимъ позвольте кончить. Болѣе ничего Вамъ ни дѣла, ни пустяковъ наврять не знаю. Долженъ еще успѣть отвѣчать съ нынѣшней почтою на три письма. По случаю Вашего радостнаго событія получите настоящее во всей формѣ. И сей этикетъ долженъ Вамъ показать, что не токмо Васъ люблю, но и храню къ Вамъ уваженіе, яко преданный и покорнѣйшій Вашъ слуга.

И. Оденталь.

3.

С.-Петербургъ. Марта 28. 1811 г.

Въ пятницу ввечеру навѣщавшіе меня пріятели привесли мнѣ извѣстіе о разрѣшеніи французской императрицы принцемъ. Радость сію, которую здѣсь различно толкуютъ, праздновали уже въ четвертокъ иллюминаціею фран. посоль и прочіе иностранные министры, коихъ дворы состоятъ почти въ зависимости Наполеоновой. Не перестаютъ здѣсь говорить, будто бы король шведскій Карлъ 13-й предоставилъ управленіе государствомъ своимъ посаженному ему на шею наслѣдникомъ, а самъ въ преклонныхъ лѣтахъ съ титуломъ королевскимъ рѣшился остаться во всегдашнемъ покоѣ.

О бывшемъ въ Гамбургѣ мятежѣ говорятъ различно, но, кажется, въ томъ согласуются, что онъ уже прекращенъ вооруженною рукою и стоилъ жизни тремъ тысячамъ человѣкамъ.

Не знаю, съ чего взяли, но слышу, что тверской вояжъ почитается важнымъ совѣщаніемъ съ двумя патріотами, пріѣзжавшими будто-бы отъ Васъ изъ Москвы. Вы, вѣрно, лучше о справедливости или лжи сего слуха можете судить.

На ноту, поданную въ весьма сильныхъ выраженіяхъ о забраніи всего владѣнія у князя Ольденбургскаго, ожидаютъ нетерпѣливо отвѣта.

Пріѣзжающіе изъ фран. столицы курьеры наши весьма немирныя дѣлаютъ предвѣщанія; да и движенія войскъ нашихъ къ западнымъ границамъ не могутъ внушать другихъ заключеній. О турецкихъ переговорахъ Вы должны имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія чрезъ брата Вашего; насъ же здѣсь утѣшаютъ, что миръ въ той сторонѣ весьма близокъ.

Сейчасъ узнаю, что сюда изволила пріѣхать Екатерина Павловна съ супругомъ своимъ, и что скоро ожидаютъ также и прибытія Маріи Павловны изъ Веймара.

4.

С.-Петербургъ. Декабря 19. 1811.

Оденталь еще живъ, хотя непрерывно почти возится съ тяжкими болѣзненными припадками. Не имѣетъ давно, слишкомъ давно никакого извѣстія о достойномъ сынѣ почтеннѣйшаго Якова Ивановича, умномъ, любезнѣйшемъ своемъ Александрѣ Яковлевичѣ. Такъ ли то помнитъ Булгаковъ Оденталю, какъ Оденталь Булгакову? Dieser ehrliche Sonderling Odenthal wünscht dem Herrn v. Bulgakow anenehmett Weihnachten samt seiner werthesten Familie.

5.

С.-Петербургъ. Генваря 12. 1812 г.

Знаю, знаю, что братецъ Вашъ больше другихъ возится съ Машамушами. Я тутъ ничего ясно не вижу. Mais pourquoi ne charge-t-on pas le comte de Koutousoff pour conduire les négociations? Про него и Великая Екатерина изволила говорить: Его не проведетъ и Рибасъ.—Je crains, que quelque Sébastiani n'arrive pas dans les entre'actes.—Пишите братцу, чтобъ онъ употребилъ всю тонкость ума своего, чтобы доставить намъ миръ. Удивляюсь, впрочемъ медленности и возвожу очи къ небу.—Je me serois jetté de tous les cotés pour soupirer avec Vous; mais à quoi conduiraient mes soupirs là, où il faudroit agir. Il faut se taire et être sage. Остынешь наконецъ. Я ко всему, что не входитъ въ кругъ моей дѣятельности, сдѣлался уже льдомъ. Иначе бы истинно угодилъ въ домъ сумашедшихъ. У насъ есть и такіе, которые готовы упечь меня и далѣе. Да вразумить ихъ Богъ! Да отженеть отъ нихъ нечистыхъ духовъ!—Погребаютъ, умный мой Александръ Яковлевичъ, любовь къ отечеству. Увы!—тому никто не препятствуетъ.—Предадимъ же себя въ руку Божию! Ахъ! потужите! Прекрасный Аничковскій дворецъ горѣлъ! Одна половина спасена, которая на Невской проспектъ, но другая, кромѣ нижняго этажа, вся учинилась жертвою огня. Сказываютъ, что камердинеръ Екатерины Павловны, который пріѣхалъ сюда передовымъ, въ самомъ верхнемъ этажѣ развелъ въ каминѣ огонь, заперъ комнату, ушелъ со двора: горящее полѣно упало на полъ:—какъ тутъ не быть пожару? Сіе несчастное происшествіе началось въ 9-мъ часу 7-го числа ввечеру, а продолжалось до 3 хъ часовъ по полудни 8-го генваря. 9-го числа загорѣлся Екатерининскій институтъ. Тутъ пожарная команда сдѣлала чудеса. Кромѣ

кухни и лазарета не дала ничему горѣть.—Оберъ-полицеймейстеръ Горголи какое-то получилъ поврежденіе въ одну руку при тушеніи Аничкова дворца.—Долженъ взять другой листъ. Старинный газетеръ Якова Ивановича расписался. Берегитесь, чтобъ я Вамъ не надоѣлъ! Привяжусь, такъ не отцѣпитесь.

Слышу отъ знати, что дочь Дм. Александровича Гурьева помолвлена съ новымъ статсъ-секретаремъ Нессельродтомъ. Осипа Петровича Козодавлева племянница, княжна Хилкова, также объявлена уже невѣстою, токмо забылъ фамилію жениха. Есть, кромѣ этихъ фамилій, о чемъ думать со всѣхъ сторонъ озабоченному Оденталю! Я бы не зналъ, можетъ быть, никогда и Козодавлева, но теперь угодно было Государю сдѣлать его нашимъ министромъ: такъ всякая бездѣлица о немъ безпрестанно напоминаетъ не токмо мнѣ, но и женѣ моей. Стерпится, слюбится. Я увѣренъ, что Александръ Яковлевичъ не возгнушается для того мною, что я не имѣлъ счастья понравиться такому человѣку, отъ котораго прячусь. И за удаленіе жмутъ, давятъ. Однакожь, слава Богу! Благодареніе добрымъ людямъ!—мы еще съ голоду не померли, и—въ Россіи отъ этой причины не умремъ.

Сенаторъ Саблуковъ, который тронуть былъ предъ рождественскими праздниками параличемъ, оправляется.

Генералъ-лейтенантъ Бауверъ, толико прославившійся во всей Европѣ курьерскою своею ѣздою, умеръ на сихъ дняхъ въ Мраморномъ дворцѣ. Его уже и похоронили. Помните ли эпитафію, которую въ „Journal de l'Empire“ сдѣлали ему?

Я бы кстати сдѣлалъ Вамъ, тѣша себя, описаніе Крещенскаго парада; но онъ былъ отмѣненъ.—Въ самое Крещеніе пріѣхалъ рано поутру курьеръ изъ Молдавской арміи. О содержаніи депешъ я ничего не слыхалъ. Не знаю, былъ ли послѣ того и новый курьеръ?

Говорятъ, будто бы къ намъ пріѣхала отъ Васъ богатѣйшая російская невѣста — графиня Орлова. Здѣсь нѣкоторые хотятъ знать, что она будетъ супругою принца Ольденбургскаго, который въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ. Много слышалъ я о новой живописи въ домѣ Вашего благороднаго собранія. Что за курьезность! Какъ же это допустили?

Ланскій не вышелъ на сумазбродный поединокъ съ Лачиновымъ и—благополучно женится на княжнѣ Одоевской. Принцесса Биронъ выходитъ также за кого-то замужъ. — Вотъ сколько свадебъ возвѣстилъ я Вамъ, и, можетъ быть, такихъ, о которыхъ Вы, вѣроятно, знали прежде меня! — Это значить, что мнѣ хотѣлось къ Вамъ писать, но не зналъ, какъ начать и какъ кончить.

Это часто со мною бываетъ. Посмотрите на мой столъ. Кучами

навалена моя работа. Весь истощень, а писать къ Александру Яковлевичу сердцемъ хочется! Миѣ бы слѣдовало впрочемъ молчать, когда не могу подлаживать подъ строй Вашихъ писемъ. Да! такъ тогда бы въ вѣкъ не дождались отъ меня ни строчки. — Пишите! пишите чаще. Я буду Вами восхищаться. Ежели опять мною наскучите, бросьте меня. И тогда буду еще чрезъ другихъ о Васѣ навѣдываться. Чего же Вы хотите? — Я, право, по-Оденталевски говорю Вамъ, что я люблю Васѣ. Здѣсь есть одна дама, которая никакъ не можетъ забыть Васѣ съ Неаполя. Elle sait vous apprécier, comme moi. Весьма часто говоримъ съ нею о Васѣ. Желалъ бы, чтобъ она передала Вамъ мое мнѣніе о Васѣ, мое расположеніе къ Вамъ! Je passe des moments délicieux avec cette personne. — Дай Богъ Вамъ всякаго благополучія съ любезною Вашою супругою. Будьте токмо здоровы. Право! съ здоровьемъ Булгаковъ и Оденталь не пропадутъ. Эдакая увѣренность основывается на истинныхъ нашихъ достоинствахъ. Je ne cesse de répéter avec une certaine élévation dans mon âme l'adage populaire: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Я боюсь быть съ Вами слишкомъ откровеннымъ; но не утерплю, любя Васѣ, какъ брата моего, не сказать Вамъ, хоть въ полгубы: Вы не туда кидались, и не туда еще бьете по Вашему дѣлу. Mais pour vous parler plus franchement encore, je ne vois pas clair, comment on a embrouillé la chose jusqu'à un tel point!—Je vous respecte trop, pour vouloir violer votre secret. — Увижу, буду ли удостоенъ Вашей откровенности?—Простите, ежели я коснулся сей деликатной струны, изъ одинаго человѣколюбія. Ахъ! какъ бы я желалъ Васѣ видѣть счастливымъ! Какъ бы самъ былъ счастливъ, ежели бы могъ быть въ чемъ-нибудь Вамъ полезнымъ! — Nous envisageons les choses différemment. Тутъ и останавлиюсь.—Обнимаю Васѣ, какъ любовницу. Пишите ко мнѣ. Я Вамъ ни въ чемъ не измѣню.—Еще умоляю Васѣ, ne me méconnaissez pas! Mes respects à madame Votre épouse.

Я весь Вашъ.

P.S. Графъ Завадовскій ¹⁾ при смерти боленъ. Можетъ быть, въ сію минуту онъ болѣе уже не существуетъ. Вспомнилъ: женихъ кн. Хилковой князь Гагаринъ.

¹⁾ Завадовскій, графъ Василій Петровичъ. Родился въ 1739 г. † 10 января 1812 г.

6.

С.-Петербургъ. Января 16. 1812 г.

Я слышалъ, что сюда около нынѣшнихъ чиселъ обѣщались не-гоціаторы прислать друга Вашего гр. Воронцова съ подписанными условіями. Какъ бы это насъ обрадовало, ежели бы оно состоялось.

У насъ 13-го числа былъ по случаю рожденія Ея Имп. Величества Елисаветы Алексѣевны великолѣпный парадъ вмѣсто того, который отмѣнили въ Крещеніе. Войска было слишкомъ 28 тысячъ. И я ходилъ имъ любоваться.

Завтра хоронятъ гр. Завадовскаго.—Говорятъ, что президентское его мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ заступилъ уже гр. Вик. Павл. Кочубей.

О смерти генерала Корсакова провралось. Смѣшали кончину генераль-лейтенанта Андреевскаго съ прекращеніемъ его жизни. На этихъ дняхъ также уморили было генерала Николая Ѳедоровича Хитрова, живущаго въ Мраморномъ дворцѣ. Хотя онъ дѣйствительно боленъ; но дѣйствительно еще живъ и собирается для поправленія здоровья своего ѣхать въ Вѣну. *Voilà les nouvelles, que Vous peut donner par ce courrier votre Zeitungschreiber.* Онъ бы съ Вами пустился о чемъ-нибудь еще покалякать, но не токмо, что голова у него страшнымъ образомъ болитъ: къ этому онъ привыкъ,—потужите обо мнѣ, добрый Александръ Яковлевичъ, у меня на сердцѣ кошки скребутъ. Женѣ дѣлается день ото дня хуже. Не знаю, чѣмъ стеченіе въ ней разныхъ болѣзней кончится, а теперь она чрезмѣрно страдаетъ. Грудь уже такъ слаба, что она съ нуждою можетъ и очень тихо говорить. Дѣти, бѣдныя дѣти! не хотятъ отъ нея отходить; плачутъ, заставляютъ и ее плакать: извольте Вы тутъ быть съ сухими глазами!

Доктора имѣю весьма искуснаго. Богъ милосердъ! — на него возлагаю все упованіе мое.

Дайте мнѣ быть покойнѣе! Пожелайте, чтобъ я былъ утѣшенъ выздоровленіемъ моею Жюли! *Je suis perdu, Boulgakoff, si je perds ma femme! — Je vous embrasse, tout triste, que je suis. Partagez, homme sensible, mes peines.* Простите до слѣдующей почты. О! что-то тогда буду имѣть къ Вамъ писать? Радость, или мое несчастье?

О послѣднемъ да возвѣстятъ Вамъ другіе!

Adieu.

7.

С.-Петербургъ. Января 19. 1812.

Гр. Воронцовъ, кажется, теперь ужъ не прїѣдетъ. Великаго ви- зря смѣнили. Себастьяни работаетъ. Вашъ братецъ, вѣрно, ногти кусаетъ; Вы хватаете себя за волосы, а я — ихъ рву на себѣ.

— Это Божеское поущеніе. — Остается намъ воздыхать, по елику дѣйствовать не можемъ. Я въ прошломъ году Вамъ писалъ, что бы я, встрѣтясь съ виновникомъ общаго зла, сдѣлалъ. Доколѣ онъ живъ, повѣрьте, онъ будетъ все допрокидывать вверхъ дномъ. *Voilà le plus grand malheur!—il réussira.*

А отъ чего? Вы это должны видѣть.

О президентствѣ графа Кочубея не слышу подтвержденія, стало быть и нѣтъ ничего. Прошу въ циркулировавшемъ слухѣ меня не винить. Я думалъ Вамъ съ иголки доставить новость: теперь прошу ее покамѣстъ ввести въ статью небылицъ.

Гр. Завадовскаго хоронили 17-го числа *avec un grand appareil*. Государь съ Цесаревичемъ изволилъ быть при выносѣ тѣла изъ дому. Городъ не былъ однако же въ такомъ движеніи, какъ при погребеніи графа Строганова. Пожалуйста извѣстите меня; Вы чрезъ тестя Вашего должны знать, ѣдетъ ли сюда кн. Алексѣй Борисовичъ.

На отдѣльномъ отрѣзкѣ листа:

Pardon, mille fois pardon de ce que je vais écrire sur ce bout de papier. Je veux Vous demander si la bibliothèque de monsieur Votre cher père se trouve entre Vos mains?—Ne soyez pas étonné de cette question. Въ Москвѣ у Васъ живетъ теперь хорошій мой знакомый Государевъ учитель адъютантъ Ставицкій. Онъ проситъ меня, чтобы я указалъ ему между моими зна- комыми хорошую библіотеку.—Впрочемъ ежели хотите, я и безъ библіотеки Васъ съ нимъ познакомлю. Это умница, это другой Александръ Яковлевичъ. Государь поручилъ ему формировать въ Москвѣ бригаду. Sa Majesté l'aime beaucoup. Скажите мнѣ прямо: угодно или не угодно? J'aime la franchise. У всякаго должны быть свои правила. Я за отказъ на мои предложенія отъ добраго сердца никогда не сержусь. Soyez circonspecte sera mon dernier mot à mon Mitinka.—Простите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, до слѣдующей почты. Буду теперь писать къ Ставицкому.

8.

С.-Петербургъ Генваря 23. 1812.

Я опять тутъ. Однакожь я не суюсь тамъ, гдѣ меня не спрашиваютъ.—Милый Александръ Яковлевичъ меня вызвалъ, выкликалъ на переписку: такъ пусть теперь узнаетъ, какого гостя взвалилъ себѣ на плечи! Si je suis susceptible, du moins je ne suis pas encore méfiant. Je Vous le prouve: puisque je crois qu'on peut parler avec Vous, comme on s'applique avec un homme, qui a le coeur excellent, l'esprit droit, le jugement parfait, les connaissances multipliées également par l'éducation, que par sa propre application à la lecture, par ses observations et par sa sagacité. Это значить, что меня одолеваетъ fureur, rage (какъ хотите назовите) писать, т. е. бредить, врать, заглушать пареніе моихъ мыслей, отъ которыхъ кидаетъ меня въ потъ: ибо я чувствую, что не моя сфера гнить въ цензурѣ, гибнуть отъ сидячей жизни. Хочу себѣ пособить, и—не могу.

Стой, ярый Одонталь! укротись! смирись! Ты большую волю даешь надъ собою страстямъ твоимъ.

Вспомни, что ты человѣкъ!—Que je suis bête!—А я за минуту считалъ себя больше 10-ти Наполеоновъ.—Засмѣйтесь!—Да этого мало; считайте меня за помѣшаннаго; только не совсѣмъ покидайте меня. Сумасшествіе мое излѣчимо. Перемѣните мое положеніе, и я другой. Вы меня не узнаете, меня будете на рукахъ носить; а я Васъ посажу въ то же время за пазушку. Вѣдь это дѣло физически возможное. Я Васъ буду держать въ пазухѣ, а Вы меня понесете на рукахъ. Кто кого предупредить? Время покажетъ.

Не солгу, ежели скажу Вамъ, что одни сажаютъ въ Совѣтъ президентомъ на мѣсто гр. Завадовскаго Ивана Алексѣевича, а другіе сами подписываютъ указы о пожалованіи въ сіе званіе умнаго гр. Кочубея. Подите! разберите желающихъ все знать прежде самаго событія, которое единственно зависитъ отъ Высочайшей воли возлюбленнаго нашего Царя. Подите! послушайте и переслушайте, что говорятъ и о томъ, и о семъ. Извольте въ хаосѣ доходить до невѣроятностей. Не дойдете сами, такъ Васъ увѣрятъ ихъ событія.

Въ такое ужъ времячко живемъ, что не знаешь, чему вѣрить и чему не вѣрить! Совершится: и мы, вислоухіе, только что развѣваемъ рты.

Я къ Вамъ оттого такую чепуху пишу, что ничего порядочнаго не знаю. Ужъ этотъ разъ меня извините; случится, и впредь

будьте снисходительны. Сегодня иду въ большую званую компанію обѣдать. Не наловлю ли для Васъ какихъ-нибудь снѣтковъ къ пятницѣ. Теперь истинно, кромѣ того, что достойнаго статсъ-секретаря Оленина украсили Владиміромъ 2-й степени,—ничего изъ путныхъ новостей не знаю.

9.

С.-Петербургъ. Генваря 26. 1812.

Безъ очковъ прочиталъ и письмо, и излитыя въ немъ чувствованія сердца Вашего отъ 19-го генваря, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Ежели *мнѣ* стало еще веселѣе: то не спрашивайте никого, кромѣ *самого себя*—отъ чего? Я не буду спрашивать, какъ Юсуфъ-паша: таковъ ли Вы? — Вещи, люди, конечно, познаются по сравненію, но я даю имъ вѣсь по испытанію.—Я не принцъ де Линь, но, право, могу своимъ готшедовскимъ слогомъ написать портретъ Вашъ. Ручаюсь, что супруга Ваша нашла бы его похожимъ.—Меня разбираетъ досада, Вѣрю, что Вы можете быть Цицинатомъ, но кто, зная Васъ такъ хорошо, какъ я, не воскликнетъ: Зачѣмъ Александръ Булгаковъ не министромъ нашимъ въ Лютеціи?—Батюшка Вашъ былъ *непоколебимъ*. Vous avez employé le terme imporgre упрямъ: твердость, характерность теперь еще болѣе нужны, нежели когда-либо. Штыками, пушками должно подкрѣплять ихъ въ наши времена. Гдѣ жъ на свѣтѣ есть холодное ружье превосходнѣе русскаго? Пушки отдадимъ американцамъ. Полководцевъ сыщемъ въ географическомъ нашемъ положеніи. Будь только дипломатика хороша, внутреннее управленіе на Сюллиевскихъ правилахъ—нѣтъ во вселенной другой Россіи.—Куда же я бросился?

Вы говорите мнѣ о Вашей подмосковной; пускаете пробки по водамъ, исчерпываемымъ бутылками, вмѣсто утлыхъ британскихъ кораблей, которые тонутъ безъ сраженій; на бережку ихъ отираете потъ лица своего, возвратясь отъ сохи къ достойной супругѣ; забываете всѣ горести, потому что Вы видите суетное ихъ начало. Счастливъ умникъ мой! Стократъ блаженъ съ такою философіею милый Булгаковъ!

Оденталь не имѣетъ и курятника. Вотъ почему онъ не можетъ говорить о курятникѣ! Родился, живетъ, умретъ въ Россіи: вотъ почему Россію почитаетъ своею собственностью! Вотъ почему занимается Россіею! Подите, называйте его экстравагантнымъ! Онъ

тотчасъ притворится, что слова сего не понимаетъ, когда сердиться не расположенъ. Да теперь оно будетъ для меня и чуждо: ибо поставилъ себѣ образцомъ любезнаго Александра Яковлевича. Погрязъ въ долготерпѣніе. — *Alles, faites avec moi ce qui vous plaira; ma morgue n'existe plus. Il est temps, que je domine mes passions.*

Я самъ дѣлаюсь образцомъ предъ моимъ Митею; а онъ всё уже примѣчаетъ, всё разбираетъ. Бѣдняжка со вчерашняго дня вдругъ заболѣлъ. Богъ вѣдаетъ! что съ нимъ сдѣлалось. Знаемъ токмо, что онъ горитъ, какъ каменная плита. Со свѣтомъ наравнѣ послалъ почталіона къ доктору. Я его цѣловалъ отъ Васъ. Онъ хочетъ теперь знать, что Вы за человекъ?—Отвѣтствую: желалъ бы, чтобъ ты также былъ уменъ, какъ онъ.—Онъ увѣряетъ меня, что будетъ, право, будетъ.—Я бы взялъ съ него росписку, но онъ еще не пишетъ.

Какъ я радъ, что Вы уже познакомились съ Ставицкимъ! Я завидую Вамъ, что Вы его поседируете.

Знаю нѣсколько и друга Вашего Волкова, ежели это тотъ, который женатъ на Корсаковой. Недавно обѣдалъ еще съ сестрою супруги его, которая теперь уже у Васъ въ Москвѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея. Она съ изумленіемъ смотрѣла на заштопанный мой фракъ.

Меня удивительно это веселило.

Не думайте, чтобъ я Васъ затягивалъ въ мистификацію. Неаполитанская Ваша знакомая есть Анна Ефимовна, которая была тогда при гр. Головкиной, а теперь уже 9-й мѣсяць замужемъ за хорошимъ моимъ пріятелемъ Цирлейномъ. Мы Васъ съ ней называемъ колдуномъ. *Mais qui ne dira pas cela parmi ceux, qui Vous connaissent, comme vous?*

Она бранила меня, что я къ Вамъ долго не писалъ.

Кажется, что я теперь вину мою загладилъ.

Желалъ бы токмо для того быть близкимъ къ престолу нашего Монарха, чтобъ доказать искаверженной юриспруденціи, сколь далеко простирается правый Его судъ.

И это для Васъ, для брата Вашего, а не для себя: ибо я въ свою пользу ничего не умѣю дѣлать—Боже! Колтовская тѣшится надъ Вами!—Кириловъ! помнишь ли, какъ мы хаживали съ тобою мимо сянго деревяннаго дома въ Головинскій садъ. По ея фізіономіи, съ кѣмъ мы ее сравнивали?—Этому назадъ 18 или 20 лѣтъ. Мы въ сравненіи нашемъ не ошиблись. Тогда живъ еще былъ мужъ ея съ пуклями и съ капелюже. *Il faut véritablement avoir votre philosophie pour être en procès avec cette femme.*—Но я

вру. Простите! *Tout se revolte en moi*. Лишнее спустилъ съ пера, и, право, любя Васъ. Смирение, долготерпѣніе, да будетъ девизомъ нашимъ! Вы одолѣете супостата! Вспомните сіи слова! Не поручайте; но Вы будете имѣть адвоката.—Я все знаю, къ кому Вы здѣсь въ послѣдній Вашъ прїѣздъ сюда адресовались.—*Cachons nous roug quelque temps!*

Вотъ въ чемъ состоитъ нынѣ главное искусство!

Вы мнѣ хорошую дали идею о гр. Орловой. Имѣй я особую комнату: такъ я бы по Вашему отзыву написалъ ей панегирикъ, гѣша въ томъ единственно себя.

Помните ли, что я Вамъ говорилъ о Жоржъ?—Да какъ равняться она можетъ съ Семеновою!—Я, можетъ быть, много беру на себя, но скажу Вамъ (сколько мнѣ извѣстенъ французскій языкъ), что она уши деретъ своимъ выговоромъ, фальшивою интонаціею, заставляя отъ себя отворачиваться своими судорожными измѣненіями. Хорошъ токмо ея выходъ на сцену, удивительны аттитюды: рисуй ее, пока она не начнетъ говорить.—Когда видалъ я Семенову, то благопристойность удерживала меня токмо, чтобъ не вскочить на сцену къ ней.—Ежели бы я не былъ женатъ, то, вѣдайте мою неистовость, я бы для нее пошелъ въ актеры.—Ахъ! какъ бы я желалъ, чтобъ Вы меня видѣли въ акціи! Жофроя! съ кѣмъ бы ты меня сравнилъ?—Геморойдъ, проклятый геморойдъ! проклятое сидѣнье! Это все одно, куда уходитъ моя физика! За то дѣлаюсь институторомъ. Митя, живи! молись Богу, чтобъ и я скоро не умеръ! Будешь человѣкъ.

Что за стыдъ не читать доселѣ Лагарпа. Ежели Вы прежде читали Баттѣ, то можно обойтись и безъ Лагарповой фастидіозности, безъ его продигалитетности: *Son style manque d'énergie, de concision, de ce type, qui marque le génie*. Это человѣкъ начитанный и больше ничего. За то ужъ его не люблю, что онъ держался Вольтера. Это доказываетъ, что онъ былъ безъ характера.

Мужайтесь, крѣпитесь, не чуждайтесь меня.

Я очень страненъ, но во мнѣ не найдете никакого коварства: связь люблю однако же имѣть съ пройдохами. Какъ же иначе можно было узнать сердце человѣческое? Я радуюсь, когда меня со всѣхъ сторонъ разсматриваютъ. Это мой триумфъ! Всѣ слабости мои напередъ обнаруживаю. Не удалятся отъ меня, такъ почему девлопироваться во всемъ. Не удалось быть на временной сценѣ актеромъ, такъ играю мою роль на всегдашнемъ театрѣ. Я даже и больной бываю очень интересенъ для психолога. Это время, когда я все запасая.—Меня теперь начали нѣкоторые знатные фетировать. Имъ

многія мои идеи нравятся. Я для нихъ созданъ. Quant aux parvenus, ich bin nicht ihr Mann.—Кажется мы, на одной доскѣ стоимъ съ вами. Sachons-nous pour quelque temps!

Теперь только скажу Вамъ, что Ваше письмо меня порадовало. Я вижу въ Васъ много достоинства. Дай Богъ, чтобы и во мнѣ не примѣчали Вы однихъ токмо недостатковъ, которыми изобилуетъ всякій смертный.

Когда увидите съ Максимомъ Федоровичемъ, скажите ему тысячу обязательныхъ словъ отъ имени моего. Вамъ можно дать такое порученіе. Не знаю, захотите ли токмо исполнить?—Мнѣ жаль, что я не успѣлъ съ нимъ поговорить предъ самымъ отъѣздомъ.

Невзирая на то, что я на этихъ дняхъ былъ въ большихъ компаніяхъ, ничего новаго не слыхалъ. Видно и нѣтъ ничего. Заглохло что-то.

Вчера съ встрѣтился съ гр. Кутузовою на набережной. Грызъ ногти за ея супруга. Онъ много сдѣлалъ. Я надѣюсь, что Вы со мною согласитесь.

Шведскій король Карль 13-й опять вступилъ въ управленіе государствомъ своимъ, и въ то число, когда открытъ въ Англіи парламентъ. Изъ сего консидаенса хотятъ что-то выводить.

Пожалуй, выводы! Это значить пустяками заниматься. Ну, Александръ Яковлевичъ, записался я; не мудрено было и завратъся. Одна надежда на Ваше снисхожденіе. Наше отличное почтеніе супругъ Вашей. Расцѣлуйте малютку Вашу.

Es gehe, wie es gehe,
Der Vater in der Höhe
Weis zu allen sachen Rath.

Да будетъ съ нами воля Его святая! Je vous embrasse.

10.

С.-Петербургъ. Генваря 30. 1812.

Меня цѣлое нынѣшнее утро бѣсятъ: кого могъ, того выгналъ, отъ другихъ самъ отошелъ. Чтобъ забыть все худое, начинаю писать къ любезнѣйшему Александру Яковлевичу. Надобно же себя наконецъ поставить выше всѣхъ глупостей и скаредностей людскихъ, дабы наслаждаться тѣмъ, чего нечестивые отравляютъ не могутъ, когда умѣемъ презирать ихъ. Начало не такъ-то веселое; могъ бы его и выпустить, но я хочу, чтобъ Александръ Яковле-

внчѣ читалъ мое сердце. Какъ бишь пословица? Пусть что на умѣ, то и на языкѣ. Съ него ничего не сорвется, что бы могло мнѣ быть предосудительнымъ. Я не принадлежу ни къ какой сектѣ. Я эклектикъ.

Какъ у насъ весело! Балъ за баломъ, вечеринка за вечеринкою, праздникъ за праздникомъ. Радостныя обстоятельства, Александръ Яковлевичъ! Это всѣ видятъ, всѣ чувствуютъ, ежели не по себѣ, такъ по большинству недовольныхъ, угнетенныхъ и погибающихъ.—Опять сбился. Совсѣмъ не то хотѣлъ писать.

Займемся однѣми веселостями.

У госуд. канцлера въ прошедшій четвертокъ былъ большой балъ.—Сегодня, какъ мнѣ сказывали, церемоніймейстеръ Лаваль дастъ въ передѣланномъ своемъ домѣ спектакль и плясовой праздникъ.

За симъ забываю, или лучше сказать, путаюсь въ тѣхъ пирахъ, которые предстоятъ по случаю свадебъ.—Неужели Александръ Яковлевичъ пропуститъ эдакій хабаръ?—Не во время вздумалъ путешествовать.

Вотъ тебѣ разъ! Почта иностранная прикатила. Требуютъ. *P faut faire son métier avant tout. Adieu! Je suis resté au milieu de ma harangue. Ich umarme Sie.*

С. О. Долговъ.

